

Ж.К. Туймебаев , Д.А. Худайбердина* ,

Н.Ж. Шаймерденова 

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

*e-mail: dinara.azretaliyeva@gmail.com

ЯЗЫК КАК СУДЬБА: КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОРИЕНТИРЫ МУРАТА АУЭЗОВА В ОСМЫСЛЕНИИ ТЮРКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена филологическому и культурно-философскому анализу наследия Мурата Мухтаровича Ауэзова, в котором центральное место занимает концепт «язык как судьба». Автор рассматривает язык как ключевой фактор формирования тюркской идентичности, определяющий судьбу народа и духовную траекторию его развития. Особое внимание уделено понятию «языковое инобытие», введённому М.М. Ауэзовым для описания состояния двуязычного писателя, переживающего разрыв между родным и «чужим» языковым пространством. Этот феномен осмысливается в статье в контексте транслингвизма и постколониальной критики, что позволяет раскрыть его универсальное значение для понимания культурной ситуации в постсоветских странах.

Филологический анализ произведений «Иппокрена. Хождения к колодцам времен» и «Времен связующая нить» выявляет характерные особенности идиостиля М.М. Ауэзова: метафорику пути, нити, источника, задающую философский каркас текстов; сочетание публицистичности и художественной образности; использование двуязычных элементов, формирующих «двойной код» произведений. Отдельное внимание уделено триаде «тіл – дін – діл» («язык – вера – дух»), которая у М.М. Ауэзова становится матрицей тюркской идентичности и культурным стержнем народа. Кроме того, автор осмысливает взаимосвязь языковых и культурных категорий в произведениях Мурата Ауэзова в контексте современных гуманитарных наук. В статье показано, что идеи М.М. Ауэзова выходят за рамки культурологической публицистики и имеют глубокое филологическое измерение: они позволяют рассматривать язык как источник поэтики, как носитель национальной памяти и как средство осмысления мира. Научная новизна статьи заключается в комплексной интерпретации текстов М.М. Ауэзова с позиций современной филологии, транслингвальных исследований и постколониальной теории.

Ключевые слова: Мурат Ауэзов, язык как судьба, языковое инобытие, транслингвизм, филологический анализ, тюркская идентичность.

Zh.K. Tuimebayev, D.A. Khudaiberdina*, N.Zh. Shaimerdenova

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

*e-mail: dinara.azretaliyeva@gmail.com

Language As Fate: Murat Auevov's Cultural-Philosophical Orientations In Conceptualizing Turkic Identity

This article offers a philological and cultural-philosophical analysis of the intellectual legacy of Murat Mukhtarovich Auevov, in which the central concept is the idea of "language as destiny." Auevov regards language as the key factor in shaping Turkic identity, determining the nation's spiritual trajectory and cultural survival. Of particular importance is his notion of "linguistic other-being," describing the condition of a bilingual writer torn between the native and the "foreign" linguistic space. This phenomenon is examined in the article within the frameworks of translanguaging and postcolonial criticism, highlighting its universal significance for post-Soviet cultural contexts.

A philological reading of Hippocrene: Journeys to the Wells of Time and The Thread Linking Times reveals Auevov's idiosyncrasy: conceptual metaphors such as "path," "thread," and "spring" provide the philosophical framework of his texts; the blending of publicity and artistic discourse produces expressive resonance; and bilingual elements create a "double code" within the works. Special attention is given to the triad til – din – dil ("language – faith – spirit"), which functions as a matrix of Turkic identity. In addition, the author examines the interrelationship between linguistic and cultural categories in the works of Murat Auevov within the context of contemporary humanities. The article demonstrates that Auevov's reflections extend beyond cultural commentary to acquire a profound philological dimension: language is interpreted as a source of poetics, a repository of national memory, and a medium of

world-conceptualization. The novelty lies in a comprehensive interpretation of Auezov's texts from the perspectives of modern philology, translingual studies, and postcolonial theory. The practical value of this work lies in its potential application to courses on the theory of language, the history of literature, and intercultural communication.

Keywords: Murat Auezov; language as destiny; linguistic other-being; translingualism; philological analysis; Turkic identity; til – din – dil.

Ж.К. Түймебаев, Д.А. Худайбердина*, Н.Ж. Шаймерденова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

*e-mail: dinara.azretaliyeva@gmail.com

Тіл-тағдыр: Мұрат Әуезовтің түркілік бірегейлікті түсінудегі мәдени-философиялық нұсқаулары

Мақалада Мұрат Мұхтарұлы Әуезовтің мәдени-философиялық мұрасына филологиялық тұрғыдан талдау жасалады. Оның еңбектерінде басты ұғым – «тіл – тағдыр» идеясы. Мұрат Әуезов тілді халықтың рухани даму бағытын айқындайтын, ұлттық болмыстың өзегін құрайтын фактор ретінде қарастырады. «Тілдік бөтендік» ұғымы арқылы ол екітілді жазушының ана тілі мен өзге тіл арасындағы ішкі қайшылығын сипаттап, бұл құбылысты транслингвизм мен постколониялық ой аясында пайымдайды. «Иппокрена. Уақыт құдықтарына сапар» және «Уақыт байланыстырған жіп» еңбектерінің филологиялық талдауы М.М. Әуезов стилінің ерекшеліктерін ашады: «жол», «жіп», «қайнар бұлақ» сияқты метафоралар философиялық қаңқа құрайды; публицистика мен көркем бейнелілік үйлесім табады; екітілді элементтер мәтінге «қосарланған код» береді. Сондай-ақ «тіл – дін – діл» ұштағаны түркілік болмыстың матрицасы ретінде көрсетіледі. Сонымен қатар М.М. Әуезов шығармаларындағы тілдік және мәдени категориялардың өзара байланысы қазіргі гуманитарлық ғылымдар контекстінде пайымдалады.

Мақалада М.М. Әуезов идеялары мәдени публицистикадан асып түсіп, терең филологиялық мәнге ие екендігі дәлелденеді: тіл ұлттық поэтиканың қайнар көзі әрі дүниетанымның көркем бейнесін қалыптастыратын рухани құндылық ретінде талданады. Жаңалығы – М.М. Әуезов мәтіндерін қазіргі филология, транслингвизм және постколониялық теория тұрғысынан кешенді қарастыру. Практикалық маңызы – тіл теориясы, әдебиет тарихы және мәдениетаралық коммуникация бойынша оқу бағдарламаларында қолдану мүмкіндігі.

Түйін сөздер: Мұрат Әуезов, тіл – тағдыр, тілдік бөтендік, транслингвизм, филологиялық талдау, түркілік болмыс, тіл – дін – діл.

Введение

Актуальность изучения роли языка в формировании тюркской идентичности обусловлена постколониальным контекстом Казахстана и других тюркоязычных стран, где язык выступает ключевым фактором национального самосознания. В центре внимания настоящей статьи находятся культурно-философские взгляды казахстанского учёного, культуролога, филолога, востоковеда и дипломата Мурата Мухтаровича Ауэзова на природу тюркской идентичности и роль языка в её формировании. Его труды и выступления позволяют осмыслить связь языка и судьбы народа: недаром сам Мурат Мухтарович рассматривал «язык как судьбу», определяющую исторический путь народа и личности. Особое место в концептуальном наследии Мурата Ауэзова занимает понятие «языковое инобытие», предложенное им для описания внутреннего разрыва, переживаемого личностью в условиях билингвизма и культурной маргина-

лизации. Данное понятие отражает болезненный опыт многих казахских авторов советского периода, творивших на русском языке, и связано с вопросами самоидентификации в чуждом языковом пространстве. Не менее значим для М.М. Ауэзова и развиваемый им концепт триады «тіл-дін-діл» («язык – вера – дух/ментальность»), где язык понимается как ядро культурного кода народа наряду с религией и ментальностью. В его работе «Ділім» прямо утверждается, что в истории казахов были периоды, когда народ едва не утратил язык и веру, но «діл» (ментальность, душа) сохранить оказалось жизненно необходимым: «Тілден де, Діннен де айырылып қала жаздап, қайта оралған кездеріміз болды, әлі де кездеседі. Ал Ділден ше? Одан айырылу мүлдем мүмкін емес, тек сол Діл саулығы, Діл тазалығы, Діл беріктігі арқылы ғана жеке тұлға, дербес ұлт, тәуелсіз мемлекет ретінде сақталып қалдық...» (пер. «Бывали времена, когда мы чуть не лишились и языка, и религии... А вот діл?! Его утратить совершенно невозможно; лишь благо-

даря здоровью, чистоте и крепости того діл мы и сохранились как личность, как самостоятельная нация, как независимое государство» (Әуез, 2017). Данный тезис иллюстрирует ключевую мысль Мурата Мухтаровича: духовно-культурная сущность народа обеспечивает преемственность и выживание, тогда как язык и вера, даже будучи под угрозой, могут возродиться, если сохранён внутренний стержень нации. Таким образом, язык как судьба у Мурата Ауэзова – это не просто метафора, а указание на цивилизационную миссию языка как носителя исторической памяти и духовной энергии народа.

Проблематика данной статьи, которая находится на стыке философии языка, лингвистики, лингвокультурологии и литературоведения делает ее актуальной и междисциплинарной. Интеллектуальное наследие Мурата Ауэзова пока недостаточно изучено с филологической точки зрения – особенно в аспекте стилистики его текстов, оригинальной метафорики и дискурсивных стратегий, посредством которых мыслитель транслировал идеи национального самосознания. В постсоветской гуманитаристике возрос интерес к феномену транслингвального творчества – писателей, пишущих не на родном языке – и к постколониальному переосмыслению советского культурного наследия. Идеи Мурата Ауэзова, внесшего значительный вклад в поиск тюркской культурной целостности на фоне глобализации и постколониального дискурса, представляют особую ценность, поскольку предлагают *интеллектуальный мост между прошлым и будущим, между языком и культурой, между личностью и народом*. Его размышления о тенгрианстве и исламской традиции, о политике языка и о духовных ориентирах народа вплетены в общий контекст осмысления национальной идентичности. Настоящая работа исходит из гипотезы, что культурно-философские ориентиры, сформулированные Муратом Ауэзовым, создают концептуальную рамку для понимания языка как судьбоносного фактора тюркской идентичности, и что филологический анализ его текстов позволит выявить новые грани этого наследия.

Цель исследования заключается в выявлении и всестороннем анализе того, каким образом интеллектуальное наследие Мурата Ауэзова – его тексты, метафорика и концептуальные построения – способствует переосмыслению историко-культурного опыта тюркского мира, а также актуализации национальной идентичности через призму языка. Для достижения по-

ставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- охарактеризовать лингвистические особенности текстов М.М. Ауэзова (лексико-фразеологические черты, использование стилистически маркированных единиц, включение казахских реалий и т.д.);

- описать их жанрово-стилистические особенности (эссеистический стиль, публицистичность, элементы философской прозы, сочетание научного и художественного дискурса);

- провести анализ авторской метафорики (ключевые образы – колодец времени, нить времен, язык как родник и др.) и выявить рамочные концепты его дискурса;

- дать филологическую интерпретацию ключевых понятий М.М. Ауэзова – «язык как судьба» и триады «тіл-дін-діл» – в лингвокультурном аспекте, соотнося их с современными теориями транслингвизма, дискурса и постколониальной мысли.

Объект исследования – тексты Мурата Ауэзова, отражающие его взгляды на язык и идентичность: монографии *«Времен связующая нить»* и *«Иппокрена. Хождения к колодцам времени»*, эссе и интервью разных лет (в том числе впервые опубликованная на казахском языке книга *«Ділім»* и беседы со СМИ). Предмет исследования – совокупность языковых, стилевых и концептуальных средств, с помощью которых М.М. Ауэзов осмысливает проблемы тюркской идентичности и формирует идею языка как духовно-исторического предназначения.

Материалы и методы

Методологическая база исследования опирается на комплексный подход, объединяющий методы филологии и культурологии. Применяется сравнительно-исторический анализ – для рассмотрения взглядов М.М. Ауэзова в контексте предшествующих и современных ему идей (например, сопоставление с теориями постколониализма или с опытом других билингвальных писателей). Используется дискурсивный анализ – для выявления особенностей авторского дискурса М.М. Ауэзова, включая позиционирование говорящего субъекта, обращение к читателю и стратегии убеждения. Важным инструментом стал лингвостилистический анализ текстов: исследование словаря, синтаксиса и тропов (фигуры речи) автора, позволяющее охарактеризовать его идиостиль. Учитывается лингво-

культурологический подход, предполагающий интерпретацию языковых единиц и образов в их неразрывной связи с национальной культурой и ментальностью. Кроме того, привлекается метод контент-анализа биографических и мемуарных материалов (дневники, интервью) для извлечения фактов, иллюстрирующих формирование билингвальной личности М.М. Ауэзова и влияние семейно-исторической среды на его взгляды. Опираясь на труды по теориям транслингвизма и постколониальной критике, мы стремимся проверить гипотезу о том, что М.М. Ауэзов выработал оригинальную концепцию языковой идентичности, актуальную не только для Казахстана, но и для широкой постколониальной перспективы.

Научная новизна статьи состоит в комплексном филологическом анализе текстов Мурата Ауэзова – с акцентом на языковые маркеры, стилистические приемы и концептуальные метафоры, через которые проявляются его идеи. В отличие от существующих исследований, преимущественно рассматривающих М.М. Ауэзова как общественного деятеля или историка культуры, данное исследование фокусируется на его *языкотворческой деятельности* и вносит вклад в изучение транслингвальной литературы Казахстана. Теоретическая значимость работы связана с обогащением лингвокультурологического понимания триады «тіл-дін-діл» и концепта «языковое инобытие». Практическая ценность результатов определяется возможностью их использования в курсах по истории русской литературы, по теории билингвизма и межкультурной коммуникации, а также при разработке стратегий языковой политики, направленной на укрепление национального языка и культуры.

Для реализации поставленных задач был сформирован корпус текстов М.М. Ауэзова, репрезентативно отражающих разные грани его творчества. Во-первых, это монографические работы: «*Времен связующая нить*» (первое изд. 1972; обновлённое изд. Алматы: «Жибек жолы», 2016) и «*Иппокрена. Хождения к колодцам времен*» (Алматы, 1997). Первая из них посвящена закономерностям историко-культурного процесса в Казахстане на рубеже эпох, где новаторски ставится вопрос о духовном суверенитете народа и преемственности традиций. Вторая книга представляет собой сборник эссе, объединённых метафорой *Иппокрены* – мифического источника муз и образами «колодцев времени», к которым автор совершает путешествия в поисках отве-

тов на вопрос «*кто мы?*». Во-вторых, материал включает публицистику и интервью М.М. Ауэзова разных лет, отражающие его гражданскую позицию и эволюцию взглядов. В-третьих, в рамках исследования были привлечены мемуарно-автобиографические тексты, среди которых особое место занимает книга «*Ділім*» (Алматы, 2017) – первое масштабное произведение Мурата Ауэзова, написанное на казахском языке. Этот текст отличается выраженной личностной интонацией и философской глубиной, отражающей авторскую рефлексию над языком, культурой и идентичностью. Также анализ включает «*Дневники. Уйти, чтобы вернуться*» (Алматы, 2011), раскрывающие внутренний мир автора, его переживания, размышления и духовные искания.

Комплексное изучение разнотипного корпуса текстов (научной прозы, публицистики и дневниковой литературы) позволяет всесторонне изучить идиостиль М.М. Ауэзова, выявить устойчивые концепты его мышления и проследить эволюцию авторской позиции в контексте национального и культурного самосознания. Методы исследования отвечают характеру источников. *Лингвостилистический анализ* применялся при чтении монографий и эссе: выявлялись ключевые языковые маркеры, например, использование архаизмов, книжной лексики или, напротив, разговорных интонаций; случаи перехода с русского на казахский (цитаты, термины); авторские неологизмы и метафорические конструкции. Так, были отмечены характерные для М.М. Ауэзова метафоры пространства и времени: *путь, дорога, кочевье, родник, нить*, которые структурируют его тексты. *Нарратологический подход* позволил рассмотреть жанрово-композиционные особенности: в частности, как автор сочетает научное рассуждение с художественными образами, как выстраивает диалог с читателем. Для этого анализировались стратегии авторского голоса – прямые обращения, риторические вопросы, смена тональности от публицистической экспрессии к лирической исповедальности. Кроме того, использовался *дискурсивный анализ*: тексты М.М. Ауэзова рассматривались как часть более широкого постсоветского интеллектуального дискурса о национальной идентичности. Мы учитывали, что М.М. Ауэзов polemизирует с прежними догмами (например, с советским тезисом о слиянии народов и языков) и предлагает новую риторику самоутверждения культуры (Әуез, 2017). Для уточнения данного

положения были сопоставлены фрагменты текстов Мурата Ауэзова с цитатами авторов, на которых он ссылается, в частности с суждениями Н. Джусойты о недопустимости литературы на «чужом» языке (Ауэзов, 1997).

Для обоснования теоретической рамки были изучены труды по теории транслингвизма и постколониальному литературоведению. В обзор вошли как англоязычные источники, концептуализирующие феномен письма на неродном языке, так и работы отечественных и российских исследователей, адаптирующие эти идеи к постсоветскому контексту. В частности, мы учли подход «языковой биографии» Вяч. Иванова, предлагающий проследить языковую судьбу личности – от детства до старости, фиксируя переломные моменты языкового развития (Иванов, 2004). Применяемый исследовательский подход органично соотносится с биографической траекторией М.М. Ауэзова, ведь его языковая личность и языковая идентичность формировалась в условиях сложной социокультурной динамики советского периода и дальнейших геополитических изменений в конце XX – начале XXI вв. Раннее приобщение к казахскому языку в семейной и школьной среде, где обучение изначально велось на родном языке, сформировало основу этнокультурного самосознания М.М. Ауэзова. Во второй половине биографической траектории М.М. Ауэзова, начиная с периода обучения в старших классах школы, а затем в годы университетского образования и профессиональной научной деятельности, наблюдается устойчивое доминирование русского языка как основного средства академической и интеллектуальной коммуникации. Этот переход отражает не только социолингвистические реалии эпохи, но и специфику формирования языковой идентичности в условиях многоязычного пространства. Возврат к казахскому языку, осуществлённый в зрелом возрасте через создание книги «Ділім», представляет собой не просто акт личной рефлексии, но и значимое культурно-символическое высказывание, репрезентирующее глубинные процессы самоидентификации, сопряжённые с переосмыслением национального и языкового наследия. В данном контексте интеграция филологического анализа с междисциплинарными исследовательскими подходами (культурологическим и социолингвистическим) способствует всестороннему и глубокому осмыслению заявленной проблематики.

Проводимый нами анализ, основанный на междисциплинарном подходе, позволяет не только выявить характерные особенности идиостиля автора, но и проследить процессы трансформации языкового сознания в контексте многоязычного социокультурного пространства. Подобная исследовательская перспектива приобретает особую значимость в контексте изучения постсоветской интеллектуальной традиции, где вопросы языковой идентичности, культурной памяти и символического самовыражения занимают центральное место. В этом смысле особенно показательной представляется биография М.М. Ауэзова, демонстрирующая сложную динамику языкового развития: от раннего погружения в казахский язык в семейной и школьной среде – к длительному периоду доминирования русского языка в годы университетского обучения и научной деятельности. Возврат к родному языку, осуществлённый в зрелом возрасте через создание книги «Ділім», становится не только актом личной рефлексии, но и значимым культурно-символическим жестом, отражающим процессы глубинной самоидентификации. В этом контексте сочетание филологического анализа с междисциплинарной перспективой позволяет всесторонне осмыслить заявленную проблему, выявляя как индивидуальные особенности идиостиля автора, так и более широкие социокультурные тенденции, связанные с функционированием языка в многоязычном пространстве.

Обзор литературы

Проблема, поднятая М.М. Ауэзовым, касающаяся творчества на «чужом» языке и его влияния на национальную идентичность активно обсуждается в современной науке. В западном литературоведении появился специальный термин *“translingual literature”* (транслингвальная литература) для обозначения художественных произведений, созданных авторами не на родном языке. Так, С.Г. Келлман и другие исследователи охарактеризовали таких писателей, как «translingual writers», подчеркивая уникальность их воображения, которое оперирует более чем одним языковым кодом. С.Г. Келлман отмечал, что подобные авторы разрушают постулат «один народ – один язык, одна литература» (Келлман, 2014), преодолевая молингвальные границы художественного творчества. Если в глобальном контексте транслингвизм рассматривается как относительно новое явление, то в Казахстане и

других постсоветских странах он имеет глубокие корни, связанные с русификацией и колониальной политикой. Ещё в середине XX века велась дискуссия о допустимости существования национальной литературы на ином (не национальном) языке. Так, критик Н. Джусойты в 1957 г. утверждал: «никакая национальная литература не создавалась и не может существовать на инонациональном языке». Однако последующая литературная практика опровергла эту категоричность: уже к 1970-м годам стало очевидно, что такие выдающиеся писатели и поэты, как Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Бахыт Каирбеков, Чингиз Гусейнов, Ион Друцэ, творившие на русском языке, вправе считаться классиками своих национальных литератур. Собственно, Мурат Ауэзов одним из первых в Казахстане теоретически осмыслил это явление, введя понятие «языковое инобытие» (Ауэзов, 1997, с. 110). Он отмечал, что билингвальное творчество – это объективная реальность постколониальной эпохи, требующая нового осмысления. В своей статье «Языковое инобытие в процессе «обретения себя» М.М. Ауэзов проанализировал феномен двуязычия и культурной маргинальности в советской и постсоветской литературе. *Языковое инобытие* описывается им как состояние человека, пишущего или мыслящего на *не родном языке* под давлением ассимиляции, когда возникает разрыв между языком и национальной принадлежностью. М.М. Ауэзов показал многогранность этого явления: с одной стороны, оно ведёт к маргинальности, размытости самоидентификации, находящейся на стыке двух культур; с другой – может стать способом самопознания, когда через чужой язык личность пытается осмыслить свою национальную сущность; кроме того, это порождает дилемму национальной литературы, поскольку произведения, написанные на русском, с одной стороны входят в сокровищницу казахской культуры, а с другой – несут отпечаток иноязычного восприятия мира. Данные идеи Мурата Мухтаровича вписываются в общий тренд современной филологии, где русский язык рассматривается не только как язык русских, но и как средство выражения многих нерусских народов. Как отмечают исследователи, «*русскоязычная литература этнически нерусских авторов*» постсоветского пространства получила различные обозначения: «*пограничная*», «*маргинальная*», «*билингвальная*», «*транслингвальная*». Причем они в течение долгого советского периода не имели адекватного

теоретического описания. Лишь в последние два десятилетия, на фоне «кризиса идентичности» 1990-х годов, появилась серия исследований, преодолевающих монодисциплинарный подход и синтезирующих достижения разных областей знания для анализа данного феномена.

В российском литературоведении начала формироваться своя терминология. Так, наряду с термином «*русскоязычная литература*» (подразумевающим литературу на русском языке независимо от этничности автора) стал использоваться термин «*русскофонная литература*», а также заимствованное с Запада терминосочетание «*транслингвальная литература*». У.М. Бахтикиреева, О. Валикова и др. отмечают, что понятие транслингвальной литературы, «транспортированное» в нашу науку из западного дискурса, и что оно нуждается в уточнении применительно к постсоветскому пространству. Экстралингвистические факторы (исторический опыт двуязычия, разница социокультурных контекстов) не позволяют использовать его как полный эквивалент западного концепта. Так, если на Западе транслингвизм часто связывают с миграционной литературой (например, писатели-эмигранты, пишущие на языке новой страны), то в Казахстане и Центральной Азии мы имеем дело с иной ситуацией: «свои» писатели в «своей» стране, но пишущие на языке бывшей метрополии. Это явление уникально и требует учёта постколониальной специфики. М.В. Тлостанова подчёркивает, что литература, создаваемая в постсоветских локалитетах, не может быть адекватно рассмотрена только через призму западных постмодернистских и постколониальных теорий (Тлостанова, 2020). Необходимо разрабатывать собственные методологические подходы, исходящие из локального опыта. Поэтому в ряде работ предлагается ввести уточняющие термины. Например, дискуссионным является вопрос терминологического различения: считать ли литературу казахских авторов на русском «*казахской русскоязычной литературой*» либо использовать нейтральное понятие «*русскофонная литература Казахстана*». Дебаты вокруг терминологии отражают поиск адекватного языка описания для нового культурного состояния – *транскультуры*, в которой мы наблюдаем элементы разных национальных традиций.

Яркой иллюстрацией транскультурного характера постсоветской литературы служит творчество русскоязычных писателей Казахстана. Исследователи отмечают (например, Larson,

1996; Lee, 2012; Weininger, 2016; Kellman, 2019; Валикова, Бахтикиреева, 2016; Canagarajah, 2025), что такая литература «вмещает в себя “инобытие” множества этнокультур и порождает уникальные образы мира». Здесь ключевое слово «инобытие», которое М.М. Ауэзов ввёл в научный оборот, и оно обозначает присутствие чуждого, иного бытия внутри литературного текста. Например, романы Герольда Бельгера, немца по происхождению, писавшего по-русски о казахской степи, несут на себе печать двуединства культур – немецкой и казахской. Читатель таких текстов вступает в сложный диалог культур, что требует развитой культурной компетенции. Современные теории восприятия транслингвального текста (Валикова, Демченко, 2020) акцентируют методики *иммерсивного чтения*, позволяющие погрузиться в многоязыковой контекст произведения и прочувствовать полифонию культурных голосов. Это демонстрирует, как филология отвечает на вызов транслингвальной эстетики, вырабатывая новые стратегии чтения и анализа.

Концепт «язык как судьба», разрабатываемый Мухтар Ауэзов, соотносится с проблематикой языковой политики и дискурса власти. Исторический опыт различных обществ показывает, что язык административного и культурного центра нередко закреплялся в статусе «общего» или «престижного» языка культуры, тогда как родные языки отдельных сообществ оказывались в периферийном положении. В рамках идеологии формирования единой советской общности в Советский Союз продвигалась модель сближения народов и языков, что предполагало курс на лингвокультурную унификацию. Мурат Ауэзов вспоминал, как в 1960-е гг. казахская интеллигенция противостояла этим ассимиляционным тенденциям: в Москве, будучи студентом, он стал одним из организаторов движения «Жас тулпар», выступавшего за возрождение казахского языка и сохранение национальной культуры (Әуез, 2017). Этот опыт сопротивления отразился в дискурсе его последующих работ. М. М. Ауэзов, где он выдвигает тезис о том, что язык самоутверждается в борьбе: лишь активно участвуя в национально-освободительном движении, он выживает и развивается (Әуез, 2017). Это утверждение созвучно идеям постколониальных мыслителей (вспомним Нгуги ва Тхионго, провозгласившего необходимость писать на родном языке для обретения истинной независимости). Парадоксально, но М.М. Ауэзов, сам

многие годы писавший по-русски, приходит к пониманию ценности родного казахского языка для духовного освобождения народа.

В научной литературе отмечается, что постсоветская ситуация имеет свои особенности по сравнению с классическим колониализмом. Российская империя, а затем и советская власть проводили политику, которую М.В. Тлостанова называет «*постколониальной модерностью иного типа*», отличающейся от западного колониализма (Тлостанова, 2020). Тем не менее, многие категории постколониальной теории применимы: «подчинённый дискурс», «гибридная идентичность», «амбивалентность колониального языка». В дискурсе М.М. Ауэзова можно уловить отражение этих идей. Его понятие «языкового инобытия» близко к бахтинскому «*разноречию*» (heteroglossia) – сосуществованию в сознании нескольких языковых миров, между которыми идёт борьба. Внутренняя раздвоенность билингва созвучна концепции «третьего пространства» Хоми К. Бхабхи (Bhabha, 1994), согласно которой рождается гибридная культура. Однако М.М. Ауэзов стремится не столько увековечить гибридность, сколько преодолеть её через обретение цельности – возвращение к своим корням (ко «своему слову»). Он призывает выйти из «*условностей чуждого времени*» и вернуть силу родному слову, что является условием духовного возрождения (Ауэзов, 2011). Эта идея перекликается с концепцией «*decolonial turn*» – поворота к своим эпистемологиям, к памяти предков как источнику обновления.

Результаты и обсуждение

Лингвостилистический анализ произведений М.М. Ауэзова позволяет выявить ряд устойчивых признаков, формирующих его индивидуальный авторский стиль. Одной из наиболее заметных особенностей является выраженная книжность и образность языкового выражения, придающая текстам интеллектуальную насыщенность и эстетическую глубину. В русскоязычных работах автора наблюдается тщательный отбор лексических средств: преобладают слова высокого стилистического регистра, активно используются историзмы, философская терминология и элементы научного дискурса. Такая языковая стратегия не только отражает высокий уровень авторской рефлексии, но и служит инструментом концептуализации сложных культурных и экзистенциальных тем, характерных для твор-

ческого наследия Ауэзова. Рассуждая о судьбах культуры, М.М. Ауэзов не ограничивается использованием сухого научного дискурса, а стремится к художественно-образному выражению мысли, активно прибегая к поэтическим средствам и метафорическим конструкциям. Так, в предисловии к книге «Иппокрена. Хождения к колодцам времен» он обращается к образу «путешествия в эпоху караханидов, к Великому Шёлковому пути, к миру древней тюркоязычной поэзии», тем самым вовлекая читателя в интеллектуальное и эмоциональное странствие сквозь исторические пласты культурной памяти (Ауэзов, 1997). Подобная стилистическая стратегия не только усиливает выразительность текста, но и формирует особую атмосферу сопричастности к наследию, которое автор стремится осмыслить и передать. Эпитеты и сравнения в текстах создают эффект погружения: образность и ритмика повествования ведут читателя сквозь исторические пласты, напоминая скорее ораторскую речь, чем сухой академический стиль. Таким образом, языковое повествование М.М. Ауэзова органично сочетает в себе черты ораторики и эссеистики. Недаром Герольд Бельгер, анализируя манеру выступлений М.М. Ауэзова, называл его настоящим *«странствующим философом, просветителем, сократовской натурой»*, подчёркивая, что его устное слово обладает очищающей и вдохновляющей силой. Эти качества ораторского стиля переносятся и в письменные тексты. Мы находим множество риторических обращений, эмоционально значимых восклицаний, афористичных формул.

Одной из наиболее выразительных лингвостилистических черт авторского почерка М.М. Ауэзова является органичное и многозначное переплетение русской и казахской языковых систем. Несмотря на то, что основная часть его научного и публицистического наследия создана на русском языке, что вполне объяснимо спецификой историко-культурной ситуации советского периода, писатель целенаправленно и последовательно интегрирует казахский лексический материал в структуру своих текстов. Казахские слова, идиомы и концепты появляются не как декоративные элементы, а как носители уникального этнокультурного смысла, который невозможно адекватно передать средствами русского языка. Эти включения выполняют двойную функцию: с одной стороны, они уточняют и углубляют смысловые акценты, с другой – служат маркерами национальной иден-

тичности, позволяя автору актуализировать глубинные пласты коллективной памяти и выразить ментальные категории, укоренённые в казахской культурной традиции. Например, в эссе Мурат Ауэзов упоминает термины казахской традиционной культуры *«кочевье»*, *«жырақ»*, *«асық»* и подробно их объясняет. Подобные реалии, будучи введены в русский текст, маркируют его национальную специфику. В двуязычных интервью М.М. Ауэзов нередко играет на схождении и расхождении значений в русском и казахском. Так, обсуждая слово *«Діл»*, он подчеркивал его многозначность и трудности перевода на русский, предлагая варианты – *«менталитет»*, *«сущность»*, *«душа»* (Әуез, 2017). Фактически, М.М. Ауэзов вводит казахские концепты в русскоязычный дискурс, расширяя семантическое пространство русского языка за счёт тюркской культуры. Такой *транскодовый стиль* можно рассматривать как проявление транслингвизма: автор пишет по-русски, но мыслит категориями двух культур. В результате, тексты приобретают эффект *«двойного кода»*: для читателя, знакомого с обеими культурами, они богаты скрытыми аллюзиями, в то время как моноязычному читателю могут потребоваться пояснения.

Жанрово тексты М.М. Ауэзова разнообразны, однако их объединяет *эссеистичность* – свободное соединение научного анализа с личными размышлениями и художественными отступлениями. В *«Времен связующей нити»* автор излагает, казалось бы, научные идеи о закономерностях культуры, но делает это не сухим академическим языком, а используя литературные приёмы. Например, он выстраивает повествование на противопоставлении «двух миров» – мира кочевья и мира оседлых городов (Ауэзов, 1997). Это противопоставление представлено не только как исторический факт, но и как символические образы: *«кочевье – состояние движения, одухотворённого художественного творчества, которое не может считаться архаичным в век перемен»*, тогда как города ассоциируются с иными ценностями (Ауэзов, 1997). В данном фрагменте видна характерная метафорика автора: *кочевье* – это не просто образ жизни, а метафора динамики, пути, имеющего философское измерение; оно противопоставлено статике или замкнутости. Благодаря такой образности, идеи М.М. Ауэзова воспринимаются на эмоциональном уровне. Многие его тексты можно отнести к жанру философского эссе, ведь они не следуют жёсткой академической структу-

ре, а развиваются ассоциативно, через систему образов. Тем не менее, логика изложения присутствует, однако она отличается от привычной научной аргументации: М.М. Ауэзов предпочитает вести диалог с читателем, приглашая того к сотворчеству смысла. В «Дневниках» (раздел «Главпочтамт») он прямо указывает на это условие: *«Одно из непреходящих условий возрождения роли слова – выход из условностей чуждого времени... Нужны трезво выверенные параметры современного национального времени»* (Ауэзов, 2011). Здесь автор как бы говорит читателю: чтобы понять и возродить Слово, мы вместе должны выйти за рамки чуждого дискурса и мыслить в своих временных категориях. Таким образом, его дискурс включающий: читатель превращается в соучастника поиска.

Метафоры в трудах М.М. Ауэзова выполняют не декоративную, а глубоко смыслообразующую функцию, становясь инструментом концептуализации ключевых идей. В его произведениях можно выделить ряд сквозных метафор, структурирующих авторское миропредставление. Одной из центральных является метафора времени как нити. Уже сам заголовок «Времен связующая нить» приобрёл статус афористического выражения, отражающего фундаментальную идею исторической памяти и преемственности. Нить, протянутая сквозь эпохи, символизирует непрерывность культурного и духовного опыта, который сохраняется и передаётся, несмотря на исторические потрясения и разрывы. В одном из интервью М.М. Ауэзов замечает: *«Сбылась мечта великого Мухтара Ауэзова. Не оборвалась времен связующая нить духовности»* (Әуез, 2017). Здесь он говорит о себе в контексте исполнения завета отца – продолжения духовной миссии. Нить духовности связывает поколения, и Мурат Ауэзов осознавал себя её продолжателем. Другая центральная метафора – источник, родник. Название *«Иппокрена»* (с греч. «конский источник») отсылает к мифологическому ключу, дарующему вдохновение. Подзаголовок *«Хождения к колодцам времен»* усиливает этот образ: колодцы времени – это метафоры глубинных культурных пластов, из которых можно почерпнуть мудрость и вдохновение. Мурат Мухтарович объясняет: *«с таким настроением совершались наши хождения к колодцам духовности в поисках ответа на вопрос: кто мы?»* (Ауэзов, 1997, с. 166). Таким образом, постижение идентичности уподобляется паломничеству к истокам, к родникам истории. Этой метафори-

ке созвучна и его любовь к образу пути. Недаром универсальной формулой жизни М.М. Ауэзов называет: *«Уйти, чтобы вернуться»* (Ауэзов, 2011). Как видим, данное название его книги (дневников) символизирует путь познания: необходимо отдалиться, возможно, уйти в чужой мир (как сам Мурат Мухтарович уезжал учиться в Москву, изучал Китай), чтобы затем вернуться к своим корням с новым знанием. Идея Мурата Ауэзова разворачивается на философском уровне: он цитирует М. Бахтина *«идти вперёд может только память, а не забвение»*, и добавляет от себя: *«уметь вспоминать, мы обретаем способность мечтать о будущем»* (Ауэзов, 1997, с. 134). Здесь метафора времени и пути соединяет прошлое и будущее через акт памяти; движение вперёд возможно лишь при условии оглядывания назад – в этом, по М.М. Ауэзову, судьба культуры.

Особого упоминания заслуживает метафора, вынесенная в тему статьи: «язык как судьба». Хотя прямой фразой М.М. Ауэзов, возможно, редко её употребляет, всё идейное содержание его трудов свидетельствует о глубокой вере в судьбоносную роль языка. Он пишет, что *народ и язык имеют внутренний стержень, потенциал, который раскрывается в критические периоды исторической борьбы* (Елдес, 2018). В статье 2018 года М.М. Ауэзов приводит яркий пример: в 1920-30-е годы казахский язык выжил, несмотря на колоссальное давление, во многом благодаря усилиям национальной интеллигенции. Он утверждает: *«Выживают языки, активно участвующие в борьбе народа за своё историческое самоутверждение»* (Елдес, 2018). Данная метафора *борьбы языка* персонифицирует язык, наделяя его судьбой, параллельной судьбе народа. Язык для М.М. Ауэзова – это не просто средство общения, а живое духовное существо, которое утверждает себя в истории. Эта идея отсылает к знаменитому гумбольдтовскому пониманию языка как «духа народа», но М.М. Ауэзов вкладывает и активистский смысл: язык требует защиты и усилий со стороны носителей. Интересно, что, рассматривая ситуацию современности, М.М. Ауэзов говорит не только об угрозах языку извне, но и о качествах самого языка. Он отмечает парадокс: *«при росте носителей языка идёт снижение его качества»* – об этом свидетельствует снижение культуры речи, засорение казахского языка обилием неосвоенных заимствований, упрощение стиля (Елдес, 2018). По его наблюдению, *«взамен языка Абая*

и Ауэзова *пришёл язык газетной публицистики и социальных сетей*», который плохо справляется с выражением сложных понятий (Елдес, 2018). Эта критическая оценка показывает, что для М.М. Ауэзова судьба языка – это ещё и ответственность общества за сохранение его богатства и чистоты. Не случайно в эпиграфе к «Ділім» он призывает к «здоровью, чистоте и крепости діла», без которых нация не устояла бы (Елдес, 2018). Под «діл» здесь подразумевается, фактически, внутренняя форма культуры, в том числе воплощённая в языке. Таким образом, метафора «язык – судьба» у М.М. Ауэзова конкретизируется через призму качества языка, его духовной наполненности. *Судьба языка* может быть трагичной (если язык деградирует, утрачивая функциональность и красоту) или триумфальной (если обретает «силу слова» в обществе).

Триада «тіл–дін–діл» (язык – религия – ментальность / дух) часто фигурирует в рассуждениях М.М. Ауэзова о национальных ценностях. Этот устойчивый для казахского дискурса ряд ценностей обычно рассматривается как основы национальной идентичности, заложенные ещё деятелями движения «Алаш». Мурат Ауэзов привнёс в интерпретацию триады свои филологические акценты. Прежде всего, он показывает, что элементы триады исторически переживали разные судьбы. «Тіл» (язык) и «дін» (вера) в XX веке подверглись испытаниям – политика русификации и атеизации едва не лишила казахский народ родного языка и традиционной религии (Әуез, 2017). Однако, несмотря на периоды забвения, и язык, и вера смогли возродиться в годы независимости. Что же касается «діл», то М.М. Ауэзов утверждает: потерять его совершенно невозможно, ибо это глубинный код нации (Әуез, 2017). Под «діл» он понимает, по сути, совокупность ментальных, этических и культурных основ, которые составляют душу народа. Здесь проводится мысль, что даже в период, когда язык и религия были притеснены, народный дух (национальный характер, память, этические устои) оставался жив, пусть и скрыт. Эта идея соотносится с понятием «культурного кода»: язык может временно смениться (например, многие казахи перешли на русский), религиозные практики могут ослабнуть (как в советское время), но если сохраняется культурный код – мировосприятие, ценности, традиции, то народ может возродить утраченное.

Филологически М.М. Ауэзов подходит к термину «діл» очень тонко. Он указывает на

его многозначность и трудность точного перевода (Әуез, 2017). Как мы уже отмечали, слово это можно перевести и как *менталитет*, и как *сущность*, и как *душу*. Такое смысловое богатство термина свидетельствует, что за ним стоит сложное понятие, не сводимое к одному эквиваленту. Следует особо подчеркнуть, что «діл» у М.М. Ауэзова – это и есть та самая уникальная картина мира, присущая народу, его внутренняя форма. Интересно, что сам Мурат Ауэзов в поздние годы отразил эту триаду и в собственном творческом пути. Написав большую часть работ на русском (то есть как бы отдав долг «языковому инобытию»), он в итоге обратился к родному языку в книге «Ділім», где поднял вопросы национального духа и веры. Таким образом, триада «тіл–дін–діл» в интерпретации М.Ауэзова приобретает динамический аспект: язык и вера могут падать и подниматься, *діл* же служит гарантом, что возрождение возможно, если он остаётся здоровым. И в то же время чистота и крепость діл не приходят сами собой – их надо беречь. Отсюда призыв автора к духовности во всём: и в языке (чтобы язык не огрубел, не утратил красоты), и в вере (чтобы религия была просвещённой, лишённой фанатизма), и в культурном поведении элиты.

Исследование текстов М.М. Ауэзова в русле филологии подтвердило выдвинутую гипотезу: его работы представляют собой сложный сплав литературы, философии и публицистики, где языковая форма неразрывно связана с содержанием – идеей о судьбе народа. Лингвистические маркеры (выбор слов, двуязычные вкрапления, интонационный строй) у М.М. Ауэзова всегда функциональны. Например, когда он обсуждает упадок культуры речи, он сознательно прибегает к сниженной лексике (говорит об «*языке соцсетей*») (Елдес, 2018), чтобы контрастом показать потерю высоты. Напротив, описывая идеалы классической литературы, он переходит на высокую тональность, цитирует Абая, Магжана, известных поэтов. Эта стилистическая игра регистров сама по себе передаёт message: высокий язык – носитель духовности, низкий – симптом кризиса. Такой метаязыковой подход характерен для Ауэзова-филолога. Недаром по образованию он филолог-востоковед и кандидат филологических наук. Его профессиональное знание языков (казахского, русского, английского, китайского) дало ему богатый инструментарий. Он мог напрямую обращаться к чужому опыту: сравнивать, к примеру, историю испанской литературы

с казахской. В выступлениях он отмечал, что Казахстану полезно приобщаться к опыту других культур, таких как латиноамериканская литература, которая сумела ассимилировать автохтонные традиции и создать синтез (ссылаясь на труды Леопольдо Сеа и других) (Ауэзов, 1997). Этим М.М. Ауэзов указывает путь и для казахской культуры: обогащаться извне, не теряя своего ядра.

В публицистическом дискурсе М.М. Ауэзова отчётливо прослеживается установка на синтез универсального и национального. Он отмечает: *«правом на будущее владеет только культура, которая утверждает своё прогрессивное и оригинальное видение мира, способная обогатиться наследием прошедших времён и опытом других народов»* (Ауэзов, 1997). Эта мысль носит программный характер: культура должна быть одновременно самобытной и открытой к всеобщему. В данной формуле решающая роль принадлежит языку – как носителю уникальной картины мира и как инструменту диалога с иными культурами через переводы, двуязычие, межкультурную коммуникацию. Сам М.М. Ауэзов активно вносил вклад в укрепление диалога культур: участвовал в международных дискуссиях, выступал на площадках, объединяющих интеллектуалов разных стран, а также развивал контакты с писателями и деятелями тюркского мира. Его деятельность как дипломата и просветителя демонстрирует практическое воплощение идеи языка и культуры как средств межкультурного общения. Всё это поддерживает его теоретические идеи практикой. Филологическая интерпретация наследия М.М. Ауэзова показывает, что его языковая философия предвосхитила многие современные тенденции: признание многоязычия не аномалией, а нормой; осмысление билингвизма как ресурса творчества, а не только как травмы; понимание необходимости культурного перевода между народами. Он видел миссию интеллигенции – выступать посредниками, и сам был таким посредником. Его портрет как билингвальной элитарной личности наглядно демонстрирует, что знание нескольких языков позволило ему стать «мостом» между Востоком и Западом, между прошлым и будущим Казахстана (Худайбердина, Байманова, Сарсембаева, 2025).

Анализ, проведённый в статье, подтверждает ключевые положения лингво-философской концепции Мурата Ауэзова. Во-первых, выявлено, что язык в его текстах наделяется экзи-

стенциальной значимостью – он фигурирует не только как объект обсуждения, но и как персонаж истории (имеющий свою судьбу, переломы, возрождения). Во-вторых, проанализированные лингвостилистические особенности (двуязычные элементы, подбор лексики, метафоричность) свидетельствуют о двойной идентичности автора, искусно интегрированной в текст. М.М. Ауэзов сумел превратить свою билингвальность из проблемы в достоинство: владея в совершенстве русским словом, он «насытил» его казахским смыслом. В-третьих, рассмотрение его ключевых понятий – «языковое инобытие», «тіл-дін-діл», «нить времен», «колодцы времени» – в совокупности даёт целостную концепцию, по которой национальная идентичность понимается как *динамический процесс самопознания* через возвращение к своим истокам, прежде всего языковым. Эта концепция служит своего рода методологией для постколониальных обществ, переживших языковую драму. Практическое значение таких идей проявляется, например, в языковой политике: Казахстан сегодня осуществляет постепенный переход на латиницу, что М.М. Ауэзов одобрял как часть естественного обновления, но при этом он предупреждал об осторожности, чтобы не нанести ущерб «нити времен» – связи поколений. Также М.М. Ауэзов подчёркивал роль интеллигенции в повышении культуры языка (именно интеллигенция должна стать тем «будителем» діля, внутреннего духа, о котором он писал).

Заключение

Таким образом, интеллектуальное и творческое наследие Мурата Мухтаровича Ауэзова предстаёт не просто как вклад в национальную филологию, но и как многомерное явление, формирующее новую парадигму гуманитарного мышления в постсоветском пространстве. Его тексты – это не только размышления о языке, но и попытка выстроить мост между разорванными культурными континуумами, между памятью и современностью, между внутренним голосом народа и внешними вызовами глобального мира.

В своих трудах Мурат Ауэзов не стремился к примирению противоположностей; он сосредоточивал внимание на их сопряжении, рассматривая билингвизм не как компромисс, а как проявление культурной целостности и полноты. Разработанный Муратом Ауэзовым концепт «языкового инобытия» фиксирует травматиче-

ский опыт двуязычного сознания и одновременно предлагает путь его преодоления – через возвращение к корневому слову, к духовной основе, к концепту «діл», который в его интерпретации выступает как глубинная сущность национального бытия, обеспечивающая внутреннюю целостность личности и культурную преемственность. В этом акте возвращения язык утрачивает статус нейтрального инструмента и обретает значение судьбоносного начала, становясь не просто знаковой системой, а живым источником культурной энергии и идентичности.

Размышления Мурата Ауэзова о языке как судьбе открывают уникальную перспективу для осмысления тюркской идентичности в условиях постколониального и полиэтничного мира. Его подход объединяет филологическую точность с философской глубиной, позволяя рассматривать язык не только как средство выражения, но как носитель духовной преемственности, культурной памяти и исторического опыта. Мурат Ауэзов не просто анализирует языковые процессы – он предлагает ценностную рамку, в которой билингвизм становится не разрывом, а точкой сопряжения, не компромиссом, а формой культурной полноты.

Ключевая идея «языкового инобытия», выраженная через такие концепты, как «тіл–дін–діл» и «нить времен», формирует оригинальный дискурс, интегрирующий казахский опыт в глобальные гуманитарные контексты (от транслингвизма до философских размышлений) о казахском языке и культуре, а шире – тюркской идентичности. В этом смысле труды Мурата Ауэзова представляют собой не завершённую систему, а живой интеллектуальный процесс, открытый для диалога, переосмысления и продолжения.

Значимость наследия Мурата Ауэзова проявляется в том, что его идеи не существуют как

завершённая система, а выступают как живой интеллектуальный процесс, открытый для диалога и переосмысления. В его творчестве соединяются слово и дух, прошлое и будущее, локальное и универсальное, что создаёт основу для дальнейших исследований и осмысления культурных традиций. Тексты Ауэзова продолжают служить источником понимания языка и смыслов, которые он несёт, стимулируя новые поколения исследователей к глубокому и комплексному осмыслению национальной гуманитарной парадигмы.

Финансирование

Статья подготовлена в рамках грантового финансирования МНВО РК по проекту ИРН АР23486380 «Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому тексту», реализуемому по Программе научных и научно-технических проектов на 2024-2026 годы.

Вклад авторов

Ж.К. Туймебаев разработал концепцию исследования, определил методологические основы; Д.А. Худайбердина занималась сбором и систематизацией материала, провел формальный анализ и участвовал в интерпретации результатов; Н.Ж. Шаймерденова осуществлял научное руководство, принимал участие в редактировании текста и подготовке окончательной версии рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

- Әуез, М. М. (2017). Ділім. Жазушы.
 Ауэзов, М. М. (1997). Иппокрена. Хождения к колодцам времен. Ғылым.
 Иванов, Вяч. Вс. (2004). Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. Языки славянской культуры.
 Глостанова, М. В., Бахтикиреева, У. М., & Валикова, О. А. (2020). «За бортом»: интервью с Мадиной Глостановой. Полилингвистичность и транскультурные практики, 17(3), 415–421. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-3-415-421>
 Бахтикиреева, У. М. (2016). О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2(50), 80–88.
 Larson, W., & Liu, L. H. (1996). Translingual practice: Literature, national culture and translated modernity – China, 1900–1937. *Journal of Asian Studies*, 55(4), 989–990.
 Lee, K. J. (2012). An overview of Korean/Asian American literary studies in Korea, 1964–2009. *Inter-Asia Cultural Studies*, 13(2), 275–285.

- Weininger, M. (2016). Language politics: The boundaries of homeland and translingual Israeli literature. *Studies in the Novel*, 48(4), 477–493.
- Kellman, S. G. (2019). Literary translingualism: What and why? *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16(3), 337–346.
- Валикова, О. А., & Демченко, А. С. (2020). Транслингвальный художественный текст: проблемы восприятия. *Полилингвильность и транскультурные практики*, 17(3), 352–362.
- Canagarajah, S. (2025). Studying transnational and translingual professional communication. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22(2), 219–239.
- Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. Routledge.
- Ауэзов, М. М. (2011). *Дневники. Уйти, чтобы вернуться*. Раритет.
- Елдес, Д. (2018, 6 июня). Мурат Ауэзов: Язык самоутверждается в борьбе национальной интеллигенции. *Qazaquni.kz*. <https://qazaquni.kz/rukhaniyat/85968-mwrata-awezov-yazyk-samowtverzhdaetsya-v>
- Худайбердина, Д. А., Байманова, Л. С., & Сарсембаева, А. Ж. (2025). Особенности формирования билингвальной элитарной личности в историко-культурном контексте Казахстана (на примере творческой биографии Мурата Ауэзова). *Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая*, 2, 227–242.
- Kellman, S. G. (2014). What is translingual literature? *American Book Review*, 35(5), 6.

References

- Auez, M. M. (2017). *Dilim* [My language / My inner speech]. Zhazushy. (In Kazakh)
- Auevov, M. M. (2011). *Dnevniky. Uiti, chtoby vernut'sya* [Diaries. To leave in order to return]. Raritet. (In Russian)
- Auevov, M. M. (1997). *Ippokrena. Khozhdeniya k kolodtsam vremen* [Hippocrene. Journeys to the wells of time]. Gylym. (In Russian)
- Eldes, D. (2018, June 6). Murat Auevov: Yazyk samoutverzhdaetsya v bor'be natsional'noy intelligentsii [Language asserts itself in the struggle of the national intelligentsia]. *Qazaquni.kz*. <https://qazaquni.kz/rukhaniyat/85968-mwrata-awezov-yazyk-samowtverzhdaetsya-v>
- Bakhtikireeva, U. M. (2016). O translingvisme i transkul'turatsii cherez prizmu odnoi yazykovoi biografii [On translingualism and transculturation through the prism of one linguistic biography]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, 2(50), 80–88. (In Russian)
- Valikova, O. A., & Demchenko, A. S. (2020). Translingval'nyi khudozhestvennyi tekst: problemy vospriyatiya [Translingual literary text: Problems of perception]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, 17(3), 352–362. (In Russian)
- Ivanov, Vyach. Vs. (2004). *Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: Voprosy k budushchemu* [Linguistics of the third millennium: Questions for the future]. Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)
- Tlostanova, M. V., Bakhtikireeva, U. M., & Valikova, O. A. (2020). “Za bortom”: interv'yu s Madinoi Tlostanovoi [“Overboard”: An interview with Madina Tlostanova]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, 17(3), 415–421. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-3-415-421> (In Russian)
- Khudaiberdina, D. A., Baimanova, L. S., & Sarsembaeva, A. Zh. (2025). Osobennosti formirovaniya bilingval'noi elitarnoi lichnosti v istoriko-kul'turnom kontekste Kazakhstana (na primere tvorcheskoi biografii Murata Auevova) [Features of the formation of a bilingual elite personality in the historical and cultural context of Kazakhstan (based on the creative biography of Murat Auevov)]. *Vestnik Kokshetauskogo universiteta im. Sh. Ualikhanova. Seriya filologicheskaya*, 2, 227–242. (In Russian)
- Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. Routledge.
- Canagarajah, S. (2025). Studying transnational and translingual professional communication. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22(2), 219–239.
- Kellman, S. G. (2019). Literary translingualism: What and why? *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16(3), 337–346.
- Kellman, S. G. (2014). What is translingual literature? *American Book Review*, 35(5), 6.
- Larson, W., & Liu, L. H. (1996). Translingual practice: Literature, national culture and translated modernity—China, 1900–1937. *Journal of Asian Studies*, 55(4), 989–990.
- Lee, K. J. (2012). An overview of Korean/Asian American literary studies in Korea, 1964–2009. *Inter-Asia Cultural Studies*, 13(2), 275–285.
- Weininger, M. (2016). Language politics: The boundaries of homeland and translingual Israeli literature. *Studies in the Novel*, 48(4), 477–493.

Сведения об авторах:

Туймебаев Жансеит Кансеитович – доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: turkology.ri@gmail.com).

Худайбердина Динара Азреталиевна – PhD докторант, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: dinara.azretaliyeva@gmail.com).

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна – доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан, e-mail: shaimerdenova.altair@gmail.com).

Information about the authors:

Tuimebayev Zhanseit – Doctor of philology, professor; Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: turkology.ri@gmail.com).

Khudaiberdina Dinara – PhD student, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: dinara.azretalievna@gmail.com).

Shaimerdenova Nursulu – Doctor of philology, professor; Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan, e-mail: shaimerdenova.altair@gmail.com).

Авторлар туралы мәлімет:

Түймебаев Жансейіт Қансейітұлы – филология ғылымдарының докторы, профессоры, Өл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: turkology.ri@gmail.com).

Худайбердина Динара Азреталиевна – PhD докторант, Өл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: dinara.azretalievna@gmail.com).

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна – филология ғылымдарының докторы, профессоры, Өл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (Алматы, Қазақстан, e-mail: shaimerdenova.altair@gmail.com).

Поступила: 19 сентября 2025 г.

Принята: 20 марта 2026 г.